

Владимир Серебро

Семейный архив

Наша семья имеет глубокие одесские корни. А ее дом – точнее, квартира или дача – соответствовал понятию «открытый дом» в сугубо российском культурном смысле. Понятие это включает все тонкости душевного состояния людей, в нем живших: их ум, образование, профессиональная деятельность и любовь к людскому общению. Двери дома – в городской квартире и на даче – всегда были широко раскрыты для многих, не только одесситов, но и гостей из других больших и малых городов, разбросанных по всей территории государства. Гости бывали часто, были они людьми различных возрастов, профессий, знаний, званий и квалификаций, и даже вероисповеданий. Существовала ли между ними некоторая общность? Несомненно. Я бы ее назвал – истинная интеллигентность. (Таковая, по моему мнению, меньше всего зависит от образования.) Имена многих побывавших в нашем открытом доме были в свое время известны не только одесситам, но, пожалуй, и всей стране. Некоторые из этих имен стали достоянием государственного уровня. Общение со многими было многолетним, не только личным, но и эпистолярным. Могу с уверенностью сказать, что гости любили наш дом. Им приятно было находиться в сердечной атмосфере, которая создавалась родителями моей жены Лили Беленькой. Были они людьми незаурядными и дореволюционного воспитания. Обстановка в их доме была уютной: старинная мебель, масса книг, картины и фотографии на стенах и немного предметов антиквариата. Более подробные сведения о доме читатель может найти в моих мемуарах, опубликованных в 2005-2015 годах. Здесь же я вынужден кратко повториться только для того, чтобы читатель понял, в каких условиях

архив рождался и почему он мог оказаться (и оказался!) внушительным. И чтобы подчеркнуть, что в нем отразились все особенности быта семьи и ее психологического климата.

При наших с женой сборах в эмиграцию – а было это после смерти ее родителей – сохранность архива и, естественно, его перевозка в другую страну оказались довольно сложной проблемой. К счастью, ее решением оказался багаж, отправленный морем через Израиль. Когда пишутся эти строки, архив сосредоточен в квартире, где протекала наша, а теперь только моя одинокая, к моему несчастью, эмигрантская жизнь. Основная часть родительского бумажно-документального архива хранится в большом комод, одна из половин которого – это полки, другая – выдвижные ящики. Многие предметы архивного характера (документы поздних лет, книги, антикварные вещицы, картины) нашли приют в шкафах, на письменных столах и в них, на декоративных полках и на стенах.

Начну с комода. Документы поколения дедушек-бабушек наиболее старые. Меня когда-то давно поразили врачебные дипломы Швейцарского и Дерптского университетов. Их существование объясняется просто: в царской России евреям трудно было получить медицинское образование. А поразили они меня размером и живописностью оформления. Современный человек может воспринять их как театральную афишу... Родительские же подобные документы – это скромные коричневые книжицы: свидетельства о высшем образовании, о научных степенях и званиях. Что касается аналогичных документов последующих поколений, то они, документы, пребывают пока в ящиках письменных столов и на книжных полках. Но, видимо, когда-то переместятся в комод.

Почетное место в комод занимают две большие коробки, в основном с рукописями Лилиных родителей: одна – отца, другая – матери. Рукописи эти – мемуарные записки. Часть из них – те, которые относятся к периоду первой мировой войны и первым послереволюционным годам, мне удалось опубликовать в начале нынешнего века. Отцовские тексты увидели свет под званием «Окаянные дни глазами доктора» (М.С. Беленький), а материнские – «Дом на Черноморской» (Л.Я. Ландесман-Беленькая). Тексты эти интересны не только историческими фактами,

но и изящным литературным стилем. Здесь я должен объяснить-ся. Название первому очерку я придумал под влиянием, конечно, «Окаянных дней» великого Бунина. Оба текста сближают время, место и чувства...

В моей книге «Истории одесского открытого дома» есть очерки о моих и Лилиных родителях. При написании двух последних – «Хозяин открытого дома» и «Хозяйка открытого дома» – точнее, их первых страниц (периода до моего рождения), я пользовался упомянутыми выше мемуарными рукописями. Если судьба будет ко мне милостива, постараюсь подготовить к печати новые разделы родительских мемуаров. Но более надеюсь на молодые поколения...

Коснувшись выше изящества литературных текстов, не могу не рассказать, что одна из папок архива – это номера литературно-художественного и научного рукописного альманаха, который братья Беленькие издавали в молодые годы. Кстати, у Моисея Самойловича было шесть братьев. Все они – люди незаурядные. Судьба трех из них оказалась трагической, но это тема для отдельного и долгого разговора. Вернусь к альманаху. На одном номере стоит дата 1909 год, на другом – 1911 год, на третьем – 1912 год. В них стихи, проза и, действительно, научные статьи. Одна, например, называется так: «Об употреблении пневматических шин для аэропланов колес системы Парсеваль». В ней приведены математические формулы и соответствующие вычисления. Все тексты альманахов написаны великолепным каллиграфическим почерком. Многие иллюстрированы рисунками, в некоторых заметно влияние модернизма и пуантилизма.

Один из ящиков «архивного» комода заполнен альбомами с рисунками Моисея Самойловича. Дело в том, что он, врач, прекрасно владел карандашом и пером. Его рисунки настолько хороши, что при подготовке к эмиграции пришлось съездить в столицу за разрешением министерства культуры на их вывоз за границу. В альбомах много зарисовок бытовых сцен, пейзажей и портретов, сделанных в Одессе, Берлине, Западной Украине, Ташкенте и на многих курортах, где он побывал как консультант. Курортолог он был весьма известный. С некоторыми рисунками М. С. читатель может познакомиться по моим воспоминаниям.

Здесь же я не могу удержаться от соблазна рассказать о судьбе одного из них – наброска рисунка И. Бабеля, сделанного в нашей одесской квартире в 1936 году. Его копию я переслал внуку писателя Андрею Малаеву-Бабелю. В ответ получил следующее: «Спасибо Вам огромное за рисунок. Он очень живой, в нем хорошо схвачено «бабелевское». Кроме того, со стороны Вашего тестя это был мужественный поступок – сохранить этот набросок».

Тем, кто знает историю жизни и смерти писателя, последняя фраза говорит об очень многом...

Значительное место в архивном комодке занимают фотографии. Их великое множество. Они берут свое начало с конца XIX века и охватывают времена пяти поколений. Кроме того, много подаренных друзьями и гостями нашего дома. Фотографии хранятся в альбомах, многочисленных папках, пакетах и конвертах. Приведение их в порядок – это трудоемкая и длительная работа. Но она необходима. Ведь наша фототека представляют не только семейный, но и историко-этнографический интерес. В фотографическом изобилии есть и один упорядоченный и красиво оформленный раздел – это история Лиленьки, дочери М. С., от рождения до полного взросления. Фотографии эти размещены в нескольких альбомах в строго хронологическом порядке. Под каждой – короткий текст или слово. Все они и их размещение в альбомах – дело рук отца, который увлекся фотографическим искусством еще в те стародавние времена, когда оно только зарождалось.

Но на одной фотографии из семейного архива остановлюсь особо. Сразу скажу, почему. Это портретный большого формата снимок великой актрисы А.А. Яблочкиной. На паспарту она

И. Бабель. Одесса, 1936 г. Рис. М.С. Беленького

написала: «Превосходному доктору и интереснейшему собеседнику глубокоуважаемому Моисею Самойловичу Беленькому с большой сердечной признательности и сердечной благодарности и глубокой благодарности на память от его пациентки А. Яблочкиной».

С завалом фотографий нашего архива соперничает множество писем. Это результаты многолетней переписки с родственниками, друзьями, коллегами, знакомыми, учителями и учениками. Некоторые из них написаны красивым почерком, но многие – трудно читаемыми буквами и сползающими строчками. Это письма людей в возрасте: Е.П. Пешковой, Т.В. Ивановой, А.Я. Бруштейн, Т.В. Шишмаревой, И.Л. Андроникова и др. На некоторых известных авторах писем, как и на героях фотографий, я еще остановлюсь. Здесь же назову только одного из них – это Патриарх всея Руси Алексей I. Писем несколько. Из них видно, что отношения между пациентом и врачом были сердечные. Удивляться нечему: оба участвовали в первой мировой войне в офицерских званиях, оба в свое время получили соответствующее образование и воспитание. Оба охотно, даже с удовольствием погружались в исторические и культурные события. При общении нередко переходили на французский и немецкий языки.

Все разговоры о хранении фотографий и писем имеют смысл, если они выражают мысли и чувства людей родных и не родных, но более или менее значительных и, конечно же, известных. Первые, понятно, вне конкуренции. А вот остальные... Поименно называть всех не буду. Итак: актеры московского Малого театра 30-х годов (А. Яблочкина, чета Рыжовых, В.В. Массалитинова, В.Н. Пашенная и др.), 2-го МХАТа (И.Н. Берсенев, С.В. Гиацинтова, С.Г. Бирман и др.), К.В. Пугачева, гуманитарии (А.А. Ахматова, И.Э. Бабель, акад. В.М. Жирмунский, семья Всеволода Иванова, А.Я. Бруштейн, Н.Я. Мандельштам, С.И. Липкин, С.Я. Боровой и др.), врачи (акад. В.П. Филатов, А.М. Сигал, Б.Е. Франкенберг, Р.О. Файтельберг), технари (член-корр. А.Н. Вейник, Б.А. Минкус, В.М. Шестопал), крупный военачальник и государственный деятель С.А. Ковпак. Список этот хочу завершить банальным утверждением: людская память не безупречна, особенно в преклонном возрасте...

В этом месте я решил перейти на скользкую тропу и включить в семейный архив и домашнюю библиотеку, и даже некоторые вещицы, мелкие по размерам, но оказавшие на многих членов семьи значительное психологическое и даже творческое влияние. Много раз приходилось слышать: книги в семьях хранят тепло рук предков. Но дело не только в этом. Наша домашняя библиотека хранит знания, вкусы, квалификацию, стили поведения и даже авторитет членов семьи. Если угодно, и ее историю. В одних книгах упоминаются родные имена, в других – наших друзей и знакомых, в третьих события, оказавшие на семью заметное влияние. На книжных страницах я часто встречаюсь с людьми разной степени близости – от шапочной до родственной. На наших книжных полках много ценных книг и альбомов по искусству. Один из них называется «Дрезденская галерея». Этот альбом – мой свадебный подарок жене, который я преподнес 6 марта 1955 года, то есть в день нашего бракосочетания. Разве он не предмет для семейного архива? А книги и оттиски статей, написанных родственниками ушедших поколений? Как относиться к книгам, на которых авторские дарственные надписи? К архивной ценности я бы отнес и около полутора десятков книжных публикаций, в которых фигурируют и члены нашей семьи. В качестве примера приведу описание Паустовским санатория доктора Ландесмана. А как поступить с более чем четырьмя десятками моих статей сугубо мемуарного характера? Еще дальше отступлю от порога скромности: что делать с моими научными публикациями – пятью книгами и двумя сотнями научных статей (читива для последующих поколений, конечно, скучного, но все таки...)?

А.А. Ахматова. Ташкент, 1943 г.
Рис. М.С. Бельного

Овдовев, я начал запойно читать и перечитывать книги из домашней библиотеки. Это мой способ борьбы с тоской. Во многих из них я встречал на страничных полях карандашные пометки, замечания, уточнения, сделанные Лиленькой. Нередко я натыкался и на вставленные между страницами рукописные листочки с ее же развернутыми мыслями о прочитанном. Вид родного почерка и глубина ее погружения в тексты меня потрясали и потрясают. Сохранились также толстые тетради и блокноты с ее объемными текстами о книгах и с планами по ознакомлению с новыми. Разве все это не важная часть (возможно, и самая важная часть!) семейного архива?

К жемчужинам семейного архива я бы причислил и шкаф, заполненный старинными книгами. Их букинистическая ценность несомненна. В качестве подтверждения приведу примеры. «Сто басен на английском, французском и немецком языках» с иллюстрациями ручной раскраски. Книга издана в Берлине, судя по ее бумаге, в конце XVIII – начале XIX века. На книге есть владетельская подпись 1842 года. Издание «Театр Коцебу», язык немецкий, шрифт готический, шесть томов, годы изданий 1801-1815. Книга «Прогулки художника по Рейну», язык французский, издана в Париже, иллюстрации Тернера и Стенфилда. Книга «Чувственное путешествие Стерна во Францию» с посвящением Державину, опубликована в Москве в 1803 году. Из более поздних изданий можно назвать полное собрание сочинений Пушкина в 10-ти томах издательства Брокгауза и Ефрона (1911 г.), Лермонтова в одном томе издательства Ф. Павленкова (1910 г.) и Гоголя в одном томе объемом 976 страниц издательства Товарищества М.О. Вольф. Такие книги в руках – это прикосновение к святому.

Теперь о том, что выше я назвал вещицами. В качестве соответствующих примеров назову старинные серебряные чернильные приборы и мелкую пластику из бронзы и чугуна, стоявшие на письменных столах в нашей одесской квартире. Среди этих вещей две бронзовые фигурки – рыцаря и мушкетера – особенно примечательные. По воспоминаниям М. С., они были изготовлены то ли одесским ювелиром Рухумовским, то ли его учениками. Да, да, это именно тот Рухумовский, который изготовил золотую фантастически красивую копию короны скифского царя. Плод труда этого замечательного мастера выглядел столь великолепно,

Дом в районе хутора Рено, в котором останавливался Николай I в 1828 г.
Рис. М.С. Беленького. 1923 г.

что тиара была продана Лувру как оригинал и, естественно, за большие деньги. В свое время это событие было мировой сенсацией. Что же касается вещей из чугуна, то они – произведения известного Каслинского завода. В список памятных «вещиц» я бы добавил и трость Е.П. Блаватской, серебряный подстаканник И.А. Рыжова, картину Р.Д. Нейдинг «Букет сирени», гравюры Т.В. Шишмаревой, К.К. Ковтурмана и А.Б. Постеля, ну и, конечно же, графику самого М. С. – портреты, пейзажи и бытовые сценки. И список этот можно продолжать и продолжать...

Итак, семейный архив – это не только старые документы, письма и фотографии, но и многое другое, что хранит и передает семейный климат, что провоцирует душевный отклик. Он ствол, к которому прививалась побеги людского развития. Он, конечно, не хранитель тайн мироздания, но крупица человеческого опыта и морали.

Проблема семейного архива не столько материальная, сколько моральная и даже духовная. Ее решение облегчает или даже открывает путь к родным и любимым душам, парящим над нашим миром. Семейный архив – нравственный фундамент наследства. О, как бы хотелось, чтобы уважение к такому архиву стало нормой человеческого бытия. Очень надеюсь... Я оптимист, к тому же доверчивый. Отталкиваясь от известной русской фигуры речи, могу сказать: чем больше того, за что я ратую, тем меньше людей, не помнящих родства. И чем крепче семейные традиции, тем долговечнее и устойчивее семьи.

Ну а что же касается качественных тонкостей, то они связаны с вкусовыми оценками... Многообразие таких неисчерпаемо.